

- Girardin Myriam and Widmer Eric D. (2015) Lay definitions of family and social capital in later life // *Personal Relationships*, 22, 712–737 published by Wiley Periodicals, Inc. on behalf of International Association for Relationship Research. DOI: 10.1111/per.12107
- Jamieson L. (1998) *Intimacy: Personal Relationships in Modern Societies*. Cambridge: Polity; Jamieson L. (2011) *Intimacy as a Concept: Explaining Social Change in the Context of Globalisation or Another Form of Ethnocentricism?* // *Sociological Research Online*, 16 (4) 15 <<http://www.socresonline.org.uk/16/4/15.html>> 10.5153/sro.2497;
- Jurczyk K. (2013) *Doing Family — Structuring Everyday Life as a Modern Challenge* // *The Future of the Family. Demands on Family Policy and Family Science*. Bamberg;
- Liu Jieyu (2017) *Intimacy and Intergenerational Relations in Rural China* // *Sociology*, Vol. 51(5) 1034–1049 sagepub.co.uk/journalsPermissions.nav DOI: 0.1177/0038038516639505 journals.sagepub.com/home/soc;
- Lowenstein A., & Daatland, S. V. (2006). Filial norms and family support in a comparative crossnational context: evidence from the OASIS study. // *Ageing & Society*, 26, 203–223;
- Morgan D. H. J. (1996) *Family connections: an introduction to family studies*. Cambridge, UK: Polity Press; Cambridge, MA: Blackwell Publishers;
- Morgan D. H. J. (2011) *Rethinking Family Practices*, Palgrave Macmillan: Basingstoke;
- Roberts, R. E. L., Richards, L. N., & Bengtson, V. L. (1991). Intergenerational solidarity in families: Untangling the ties that bind. In S. K. Pfeifer & M. B. Sussman (Eds.), *Marriage and Family Review*, Vol.16 pp. 11–46 Binghamton, NY: Haworth Press;
- Silverstein, M., & Bengtson, V. L. (1997). Intergenerational solidarity and the structure of adult child-parent relationships in American families. // *American Journal of Sociology*, 103, 429–460;
- Silverstein, M., Gans, D., & Yang, F. M. (2006). Filial support to aging parents: The role of norms and needs. // *Journal of Family Issues*, 11, pp. 1068–1084;
- Widmer E. D. (1999) Family context as cognitive networks: a structural approach of family relationships. // *Personal Relationships*, 6, pp. 487–503;
- Widmer E. D. and La Farga L.-A. (2000) Family networks: a sociometric methods to study relationships in families. // *Field Methods*, 12, pp.108–128;
- Widmer Eric D. (2006) Who are my family members? Bridging and binding social capital in family configurations // *Journal of Social and Personal Relationships* Copyright © SAGE Publications (www.sagepublications.com), Vol. 23(6), pp. 979–998;
- Widmer, E. D. (2016) *Family Configurations. A Structural Approach to Family Diversity*. Routledge, London;
- Widmer Eric D., Viry Gil (2017) Family Inclusiveness and Spatial Dispersion: The Spatial Consequences of Having Large and Diversified Family Configurations // *Open Journal of Social Sciences*, 5, 350–367 <http://www.scirp.org/journal/jss> ISSN Online: 2327–5960 ISSN Print: 2327–5952 DOI: 10.4236/jss.2017.55024 May 24, 2017.

К. С. Дивисенко

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье анализируются возможности биографического исследования для изучения оценок людьми качества их жизни. Субъективное благополучие, отражающее особенности восприятия индивидами их собственной жизни, является значимым социальным индикатором и одной из востребованных областей междисциплинарных исследований. Представлен краткий обзор современных социологических исследований субъективного благополучия, опирающихся на качественную методологию. Рассмотрен эвристический потенциал автобиографических материалов для изучения субъективного благополучия. Показано, что феномен субъективного благополучия как компонент качества жизни может быть исследован на основе представлений о социальных благах, репрезентированных в автобиографическом нарративе. Вместе с тем биографическое исследование также позволяет проанализировать выявляемую в ряде эмпирических исследований связь временной перспективы индивидов и оценок ими качества собственной жизни. Качественное биографическое исследование субъективного благополучия ориентировано на анализ экзистенциального опыта и социокультурных детерминант, определяющих самооценку собственной жизни. Предлагаемый подход позволяет дополнить и расширить существующие методические решения для изучения субъективного благополучия.

Ключевые слова: качество жизни, автобиография, субъективное благополучие, социальные блага, нарратив, социальные представления, биографическое исследование

Проблема изучения качества жизни населения является не только актуальной областью социальных исследований, имеющей большое значение для социальной политики государства (Тихонова 2015: 19–21), но и областью, всё еще требующей уточнения существующего и разработки нового инструментария для изучения этого комплексного и многомерного явления.

Изучение субъективного благополучия как восприятия людьми качества собственной жизни стало неотъемлемой частью исследований качества жизни (ОЕСД2013) в рамках различных дисциплин: экономики, психологии, социологии, медицины, образования. Вместе с объективными показателями уровня жизни, социально-демографического, экономического статуса анализируются степень удовлетворенности жизнью в целом, отдельными ее сторонами, наличие положительных

и отсутствие отрицательных эмоций (аффектов), уровень ощущения счастья и т. п.

Субъективное благополучие является не только «внутренним мерилом, критерием и регулятором бытия субъекта, в котором сходятся его цели, программы и их реализация» (Шамянов 2014: 80), имеющим особое значение для внутреннего мира личности, но и значимым социальным индикатором. Обращает на себя внимание, что в определении качества жизни, разработанном Группой оценки качества жизни Всемирной организации здравоохранения (The World health organization Quality of Life Assessment group), подчеркивается в большей мере субъективная составляющая, нежели объективные характеристики уровня жизни. Так, качество жизни понимается как «восприятие людьми своего положения в жизни в контексте систем культуры и ценностей», а также влияние на них собственных целей, ожиданий, стандартов и переживаемых трудностей (WHOQOL 1997). Эта дефиниция, подчеркивающая значимость изучения как культуры, так и внутреннего мира человека, его личной истории, определяет необходимость не только количественного измерения данных детерминант, но и качественного изучения самого феномена субъективного благополучия.

Следует отметить, что содержание понятия «субъективное благополучие», концептуализация которого осуществляется не только в рамках различных дисциплин (социология, психология, экономика), но и теоретических перспектив, остается дискуссионным. Это также определяет проблему операционализации. В частности, отсутствует общепринятое понимание его соотношения с близким термином «психологическое благополучие», также нет единого мнения и относительно его структуры (Бенко 2015; Козьмина 2014: 17). Однако, в существующих моделях благополучия, как правило, отражена комплексность и многомерность данного явления и учитывается его динамичность, которая связана как с постоянно обогащающимся жизненным опытом, так и здесь-и-сейчас ситуацией исследования.

За относительно недолгую историю изучения субъективного качества жизни, насчитывающую лишь несколько десятилетий, сложились две относительно независимые традиции понимания субъективного благополучия и обуславливающих его факторов, которые принято обозначать как гедонистическую и эвдемонистическую (Ryan, Deci 2001).

Гедонистический подход связан с определением благополучия как получения индивидом удовольствий (относящихся к самым разнообразным сферам, в том числе, достижению целей, получению резуль-

татов) и избегания неудовольствия (отрицательных эмоций/аффектов) (Brülde 2014: 2839). В рамках этого подхода предполагается, что благополучие у индивида формируется в процессе сравнения установленных им самим стандартов с реальными условиями собственной жизни (Pavot, Diener: 2009) и является результатом успешной социальной адаптации (Бочарова 2012: 262).

Эвдемонистическое благополучие связано со способностью и стремлением человека к самореализации (Waterman 2008: 236). Этот подход главным образом отличается интерпретацией событий личной истории индивида, которые не приносят ему чувств удовлетворенности и удовольствия. Такого рода события при правильном их восприятии и оценке самим человеком, также как и положительные эмоции, могут вносить вклад в благополучие. Негативный опыт может быть переработан и переосмыслен человеком как для преодоления аналогичных жизненных трудностей, так и для осознания и решения экзистенциальных вопросов.

Модель благополучия, предложенная К. Рифф, объединяет не только эвдемонистическое и гедонистическое понимание благополучия, но и опирается на результаты многочисленных эмпирических исследований. На ее основе была разработана методика (Ryff 1989), ставшая одной из наиболее востребованных в современных исследованиях благополучия. Модель включает шесть измерений, положительная связь которых эмпирически доказана с позитивным восприятием индивидом собственной жизни (Ryff 1996). Перечислим эти измерения, поскольку, по нашему опыту биографических исследований, они также могут быть изучены в рамках дескриптивного исследования: 1) самопринятие (позитивная оценка себя и собственной жизни); 2) положительные отношения с Другими (наличие теплых и доверительных отношений с людьми); 3) автономия (навык саморегуляции, независимость от социального окружения); 4) владение ситуацией (способность изменить ситуацию или отношение к ней, умение преодолевать трудности для реализации своих целей); 5) цель в жизни (осмысленность жизни, наличие целей); 6) личностный рост (стремление к развитию, реализации потенциала).

Методика К. Рифф, как впрочем и подавляющее большинство других исследований качества жизни и субъективного благополучия, в первую очередь ориентированы на измерение, а не описание. В силу этого используется количественная методология. Квантифицированность объективных показателей, которые используются при изучении

качества жизни, требует того, чтобы и субъективное благополучие, несмотря на его более «тонкую», духовную природу, было выражено в первую очередь в количественных индикаторах. Вероятно, это обстоятельство во многом определило недостаточное внимание исследователей к качественным исследованиям представлений людей о «хорошей жизни».

Качественные методы в изучении качества жизни и субъективного благополучия в отечественной науке практически не применяются, а в зарубежной обозначились два «незримых колледжа», связанные с именами Грасиелы Тонон и Карин Далберг. Кратко рассмотрим каждое из этих двух независимых (судя по отсутствию взаимных цитирований) исследовательских направлений.

Аргентинский социолог Г. Тонон и ее коллеги провели ряд исследований, посвященных изучению качества жизни в Латинской Америке, результаты которых отражены в коллективной монографии (Qualitative Studies 2015). Отдельные исследовательские кейсы связаны с изучением восприятия качества собственной жизни представителями различных социальных групп: детьми, студентами, городской и сельской молодежью, молодыми людьми-носителями ВИЧ/СПИД и др.

В своих работах аргентинские социологи уделяют внимание теоретико-методологическим основаниям качественных исследований восприятия людьми благополучия и их представлений об идеальной жизни. Во многом эти размышления являются общими для качественных исследований в целом. Они касаются, в том числе, роли исследователя, а также анализа влияния культурного контекста как на исследователя, так и информанта.

Первоначально данное исследование субъективного благополучия было связано с решением практических задач: в частности, с проблемой улучшения качества жизни студентов Университета Буэнос-Айреса и с выявлением роли учебного заведения как пространства для социальной интеграции (ibid: 12). Проведенное исследование показало, что субъективное восприятие качества жизни было связано не только с удовлетворенностью жизнью и получением различных удовольствий, но также и с жизненным опытом.

В другом исследовательском кейсе анализировалось субъективное благополучие молодых людей в контексте их представлений о будущем. Были сделаны выводы о том, что информанты связывают благополучие с удовлетворенностью, достижением материального благосостояния, трансцендентностью, духовностью, счастьем и гармонией. Важным

обнаружением стал и тот факт, что «хорошая жизнь» определяется не только и не столько деньгами и материальной составляющей, которые скорее выступают инструментальными ценностями. Для студентов оказалось важным личностное развитие, а также объективные возможности и собственные способности, которые могут улучшить их профессиональную траекторию. Также существенными аспектами качества жизни оказались окружающая среда, жилье, личная жизнь, участие в общественной жизни, возможность иметь свободное время для досуга и занятий спортом, которые способствуют улучшению здоровья и хорошему настроению (ibid: 18).

В целом результаты исследования подтвердили предположение о том, что качество жизни как воспринимаемая людьми или социальными группами реальность, имеет существенное отличие от «макросоциального» качества жизни, измеряемого с помощью формализованной количественной методологии (ibid: 186).

Еще один взгляд на изучение проблемы качества жизни с помощью качественных методов изложен в работах, опирающихся в своей теоретической основе на методологию рефлексивного анализа жизненного мира, предложенную К. Далберг и коллегами (Dahlberg, Dahlberg, Nystroem 2011).

В качестве примера можно привести исследование переживания благополучия женщинами, получающими степень PhD в Швеции (Schmidt, Umans 2104). Поскольку даже в столь либеральном обществе как шведское женщинам все еще непросто войти в академическую сферу, традиционно являющуюся достоянием мужчин, женщины-аспиранты испытывают различные трудности, которые проявляются в их восприятии качества жизни. С помощью феноменолого-герменевтического метода авторами изучается благополучие как феномен жизненного мира, воспринимаемый и переживаемый людьми сквозь призму собственного опыта. Данный метод предполагает не только описание феномена, но и интерпретацию его значения для людей посредством понимания и вчувствования на основе анализа историй жизни. На материалах трех фокус-групп с двенадцатью аспирантами, показаны особенности восприятия ими благополучия во время их учебы и при работе над диссертацией. Основные обнаружения свидетельствуют о том, что благополучие информантов определяется вынужденным разрывом между, с одной стороны, собственными ценностями и приоритетами, с другой, внешними обстоятельствами, воздействующими на них и требующими выполнения нескольких ролей для поддержания

необходимого жизненного равновесия (ibid: 10). Это взаимодействие агентной и структурной реальностей порождает определенное напряжение, сказывающееся на благополучии, которое в эмоциональном плане оказывается богатой палитрой разнообразных чувств и эмоций.

Отдельными исследователями подчеркивается необходимость не только измерения благополучия, но и понимания этого сложного феномена и компонента жизни. Так, одна британская исследовательница, анализируя изменения в системе общественного здравоохранения в Великобритании, отмечает «деконтекстуализированность» целей современного медицинского обслуживания и поверхностное измерение его качества (Hemingway 2011). В данной системе качество оценивается на основе формальных показателей, а не «реального опыта конечного пользователя» (Hemingway 2011: 4). Вместе с тем, нелинейный и сложный характер связи материального благосостояния, субъективного качества жизни и уровня депрессии в современных обществах ставит исследователей перед необходимостью осмысления как индивидуальных, так и культурных факторов. Отмечается, что для улучшения качества жизни отдельных людей и социальных групп, важно не только выявить факторы, отрицательно влияющие на их благополучие, но и необходимо исследовать жизненный опыт людей. Это знание будет способствовать определению условий, которые непосредственно влияют на благополучие или являются потенциалом для его достижения (Hemingway 2011: 5).

Резюмируя немногочисленные качественные исследования субъективного благополучия, отметим, что они являются новым проблемным полем, которым занимается относительно небольшая группа исследователей. Как правило, в этих исследованиях используется «прямой» тип методики. Информантам при разных методах сбора социологической информации (интервью, личные дневники, фокус группы и др.) задаются прямые вопросы о том, что для них является благополучием. Основным получаемый результат — аналитическое описание представлений информантов о благополучии, о качестве жизни, о том, что они называют «хорошей жизнью». Вместе с тем, в фокусе внимания оказываются и те факторы, которые, по мнению людей, способствуют или не способствуют улучшению субъективного качества жизни.

С нашей точки зрения, использование «косвенного» типа методики для анализа представлений о благополучии на основе биографических нарративов может обеспечить получение не менее значимых результа-

тов. Основное преимущество биографического исследования субъективного благополучия заключается в том, что тематизация этого феномена сознания (восприятия собственной жизни) происходит в более «щадающем режиме», чем при прямом вопросе о переживании благополучия, об удовлетворенности различными сторонами жизни, об ощущении счастья. Это в первую очередь связано с тем, что восприятие жизни — феномен сознания, который явно присутствует, но его тематизация представляет собой нарушение замкнутой на себе системы повседневной рациональности и вносит искажение в его репрезентацию. Прямой вопрос задает определенный ракурс в авторефлексивную нарративизацию представлений о субъективно значимых благах, и его использование в потенциале содержит определенную опасность изучить не сам феномен, а индивидуально, социально и культурно обусловленную реакцию на отдельные слова-«раздражители».

Кратко коснемся особенностей автобиографических нарративов как эмпирических данных в контексте изучения благополучия.

В социальных науках обращение к изучению биографий индивидов произошло в тот момент, когда акцент стал переноситься с создания «больших» теорий, касающихся всей совокупности социальных отношений и закономерностей жизни социума, на эмпирические исследования отдельных сфер и конкретной социальной проблематики. Основной особенностью биографических исследований является то, что в их основе лежит идеографический метод. Для социального анализа становится важным каждый отдельный случай, в котором общественное преломляется в индивидуальном, и индивидуальное воспроизводит общественное. Как отмечает У. Бек, исследование биографий носит междисциплинарный характер как на уровне методологии, так и на уровне конкретных эмпирических исследований (Бек 2000: 201). В социологии понятие «биографическое исследование» выступает в качестве общего названия для относительно автономных типов качественных исследований (устная история, история жизни, нарративный анализ), связанных с изучением индивидуальной жизни человека (Miller 2008: 61). В настоящее время, как справедливо замечает Л. А. Козлова, «методология биографических исследований не может считаться устоявшейся и обоснованной» (Козлова 2007: 59). Тем не менее, разнообразные биографические исследования объединяет общий интерес к изучению истории жизни отдельного человека в контексте социума, а также к анализу индивидуальных и культурных факторов, определяющих восприятие и репрезентацию жизни.

Биографические данные позволяют изучать как фактуальную историю жизни индивида (мир прошлого и продолжающегося настоящего), так и интерпретацию событий личной истории. В автобиографическом нарративе (им может быть автобиография, дневник, воспоминания) осуществляется репрезентация личной истории посредством авторефлексии. Ситуация авторефлексивного биографического повествования рационализирует жизненный опыт, выводя его за пределы области само собой разумеющегося и часто неосознаваемого индивидом знания. Личная история индивида представляет собой осмысленный экзистенциальный опыт (Сапогова 2017: 145–146), воспоминания о пережитых событиях собственной жизни. Коммуникация как социальное действие, осуществляемая в биографическом нарративе, направлена на достижение взаимного понимания автобиографанта и адресата посредством общих культурных кодов и образцов. В отличие от самой описываемой жизни, её репрезентация предполагает, как правило, завершенную структуру, актуальную для здесь-и-сейчас ситуации.

С точки зрения изучения субъективного благополучия, в том числе представлений о социальных благах, в биографических данных оказывается важным анализ событий как основных элементов личной истории, а также их оценочная интерпретация. Каждое событие воспринимается человеком через призму когнитивных схем постоянно обогащающегося жизненного опыта. В свою очередь пережитое событие личной истории, являясь лишь точкой на жизненном пути, встраивается в жизненный опыт, имеющуюся у индивида систему координат, в том числе континуум «благо — зло». Таким образом, интернализирующая и экстернализирующая функции жизненного опыта оказывают влияние на деятельность человека в целом и на репрезентацию личной истории в частности. Биографическое исследование описываемого индивидом жизненного опыта позволяет выделить систему значимых событий (которые могут быть интерпретированы как социальные блага) и выявить их смысловую коннотацию.

Изучение представлений о субъективных благах на биографических материалах позволяет описать и понять значимость отдельных объективных индикаторов для самого индивида или социальной группы. В частности, уровень образования, семейный статус, жилищные условия, досуг и другие объективные характеристики, описание которых имеется в биографическом повествовании, в качественном исследовании рассматриваются как феномены субъективного благополучия: происходит перенос акцента с их объективной значимости для жизни инди-

вида на субъективную. Последняя может иметь сугубо контекстуальный характер. Например, ценностные ориентиры, представления о социальных благах, обозначенные в биографиях их авторами, имеют различную степень важности и наполнение: наличие семьи, карьерные интенции, материальный достаток могут быть связаны как с гедонистическим пониманием благополучия, так и иметь инструментальный характер.

Анализ репрезентации личных событий в нарративе позволяет описать и эмоциональный аспект субъективного благополучия и когнитивный. Первый связан с аффективной реакцией на событие, которая может относиться к моменту самого события в прошлом, либо быть переосмысленной эмоциональной реакцией, описываемой в момент нарративизации. Второй, когнитивный компонент, связан не только с выявлением структуры субъективных благ и «бед» — событий, которые оказывают или могут оказывать отрицательное влияние (Бородкин, Кудрявцев 2003), но и других компонентов, имеющих непосредственное отношение к восприятию жизни в положительном или отрицательном ключе. В частности, к ним можно отнести степень удовлетворения желаний (и ожиданий), восприятие жизни (оптимизм, пессимизм), наличие осознанной (и вербализированной) цели в жизни, степень ее осмысленности, локус контроля, включенность в социальные отношения и др. Выявление устойчивой комбинации отдельных компонентов субъективного благополучия в жизнеописаниях позволяет выделить различные типы восприятия качества собственной жизни, что оказывается, наряду с описанием структуры субъективного благополучия, одной из основных задач биографического исследования.

Результаты эмпирических исследований экзистенциальных и когнитивных психологов убедительно показывают, что восприятие времени (ориентация и значимость для индивида прошлого, настоящего и будущего) тесным образом связано с субъективным благополучием человека (Зайцева 2016; Виноградова, Артеменко 2017; Исаева, Зайцева 2015). В частности, эмпирически обосновано, что временная перспектива и благополучие у людей связано с характером осмысления жизненных событий и оценкой собственных ресурсов (Неяскина, Мазуркевич 2014). В целом же субъективное благополучие личности определяется, касательно восприятия времени, «сбалансированностью, критериями которой выступают эмоциональная насыщенность настоящего, удовлетворенность прошлым, осмысленность будущего» (там же: 105). Эвристический потенциал биографических нарративов также связан с возможностью изучения временной перспективы.

Особенностью автобиографических текстов является то обстоятельство, что описываемый в них прошлый жизненный опыт преломляется через призму настоящего (Рождественская 2012: 343). Этот существенный момент, конституирующий биографический нарратив в здесь-и-сейчас ситуации повествования, имеет эвристическую значимость для изучения временной перспективы. Наиболее подходящими для этих целей жанрами являются дневниковые записи, повторные интервью, проективные биографические методики. Вопросы об ожидаемой жизни, о жизненных планах делают биографический нарратив трехмерной моделью, в которой присутствуют прошлое, настоящее и будущее.

Наш опыт использования не только автобиографий, но и биографических эссе «Я через N лет» в изучении жизненных планов школьников (Дивисенко 2011) позволяет утверждать, что на основе этих эмпирических данных возможно описание не только самого феномена благополучия, но и выявление различных типизаций в представлениях о благополучии, связанных с временной перспективой, в силу того, что в этих двух жанрах биографических нарративов представлено свершившееся прошлое, настоящее, оказывающее влияние на повествование, а также предполагаемое будущее.

Изучение субъективного благополучия подростков в контексте временной перспективы особенно актуально в современной жизни, когда происходят качественные изменения как в публичной, так и в приватной сферах, обусловленные усиливающимся с годами вторжением в них информационных технологий и новых форм досуговых практик, которые связаны с «ускорением жизни» и изменением распределения личного бюджета времени. Время становится одним из центральных ресурсов в социальной жизни. Умение им распоряжаться оказывает значимое влияние на самовосприятие человека и его оценку собственной жизни. Проективная биографическая методика, которая приоткрывает отношение подростков к будущему, показывает не только разнообразие жизненных планов и установок к активному изменению своей жизни (осуществление которых будет зависеть от различных обстоятельств), но и оценку содержания настоящего, а также удовлетворенность уже достигнутым. Таким образом, выявление различных типов субъективного благополучия/неблагополучия в рамках биографического исследования и их связей с различным восприятием времени позволит показать качественную специфику когнитивной репрезентации благополучия, что может быть использовано для дальнейших

методических разработок формализованного инструментария, а также в практической социальной и социально-психологической работе.

Подводя итог, отметим, что оценка качества жизни населения является важным индикатором вектора развития общества (Российское общество 2017: 13–14). Исследование субъективного благополучия, в отличие от традиционного для социологии анализа негативных явлений социальной жизни (депривация, исключенность, неравенство и др.), ориентировано на изучение имеющегося у людей потенциала и возможностей.

Многомерность и динамичность субъективного благополучия, а также влияние на него культурных и индивидуальных факторов определяет необходимость не только количественного измерения, но также и качественных исследований, способных дескриптивно представить сложность и многогранность данного феномена. Биографическое исследование субъективного благополучия посредством анализа событий личной истории способно показать как разнообразие представлений людей о благополучии, так и комплекс различных внешних факторов (социальных, экономических, культурных, политических), влияющих, с точки зрения индивидов, на их жизнь. Эвристический потенциал биографических данных, связанный с возможностью изучения временной перспективы, позволяет описать не только феномен благополучия, но и его когнитивную репрезентацию, зависящую от восприятия времени.

В целом, качественное исследование субъективного благополучия, как системы субъективно значимых благ, вносит вклад в понимание трансформационных социокультурных процессов, происходящих в жизни современного российского общества, которые могут оставаться незамеченными при использовании количественных методологических решений.

Источники

- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
- Бенко Е. В. Обзор зарубежных публикаций, посвященных исследованию благополучия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2015. № 8 (2). С. 5–13.
- Бородкин Ф. М., Кудрявцев А. С. Человеческое развитие и человеческие беды // Мир России. Социология. Этнология. 2003. № 1. С. 138–182.

- Бочарова Е. Е. Субъективное благополучие личности в свете теоретической психологии // Европейский журнал социальных наук. 2012. № 1(17). С. 261–267.
- Виноградова Г. А., Артеменко А. Г. Исследование взаимосвязи удовлетворенности жизнью и временной перспективы работников предприятия (на примере ПАО «АвтоВАЗ») // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2017. № 2 (29). С. 79–85.
- Дивисенко К. С. Феномен воображаемой жизни в биографическом повествовании // Социология вчера, сегодня, завтра. Новые ракурсы. III Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова. СПб.: Эйдос, 2011. С. 197–211.
- Зайцева Ю. Е. Образные схемы репрезентации временной перспективы в структуре автобиографических Я-нарративов // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. / Отв. ред. Ю. И. Александров, К. В. Анохин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 275–276.
- Исаева А. Н., Зайцева Ю. Е. Временная перспектива и смысложизненные ориентации молодых людей с различными стратегиями конструирования идентичности // Тенденции развития науки и образования. 2015. № 9 (9). С. 31–41. DOI: 10.18411/lj2015–12–8
- Козлова Л. А. Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 59–87.
- Козьмина Л. Б. Динамика психологического благополучия личности студентов-психологов. Диссертация... кандидата психологических наук. Иркутск, 2014. 174 с.
- Неяскина Ю. Ю., Мазуркевич А. В. Взаимосвязь субъективного качества жизни и временной перспективы личности // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (23). С. 94–105.
- Рожественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 381 с.
- Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 424 с.
- Сапогова Е. Е. Экзистенциальный опыт личности: возможности эмпирического анализа // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2 (87). С. 143–154.
- Тихонова Н. Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 19–33.
- Шамионов Р. М. Субъективное благополучие личности как субъекта социального бытия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 14 Т. 14, вып. 1. С. 80–86.
- Brülde B. *Hedonism*. In: Michalos A. C. (eds) Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. Springer: Dordrecht, 2014. P. 2837–2842.

- Dahlberg K., Dahlberg H., Nystroem M. Reflective lifeworld research. Lund: Studentlitteratur, 2011.
- Hemingway A. Lifeworld-led care: Is it relevant for well-being and the fifth wave of public health action? // International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being. 2011. Vol. 6 (4). DOI: 10.3402/qhw.v6i4.10364.
- Miller J. L. Biography // The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods / ed. Lisa M. Given. Los Angeles: Sage Publications, 2008. Vol. 1. P. 61–63.
- OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-being. OECD Publishing, 2013. DOI: 10.1787/9789264191655-en
- Pavot W., Diener E. Review of the Satisfaction with Life Scale // Assessing Well-Being: The Collected Works of Ed Diener / E. Diener (ed.). Social Indicators Research. Series 39. Springer, 2009. P. 101–117. DOI: 10.1007/978–90–481–2354–4
- Qualitative Studies in Quality of Life. Methodology and Practice / Tonon G. (ed.). Springer, 2015. 240 p.
- Ryan R. M., Deci E. L. On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being // Annual Review of Psychology. 2001. Vol. 52 (1). P. 141–166.
- Ryff C. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological wellbeing // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. № 57. P. 1069–1081.
- Ryff C., Singer B. Psychological Well-Being: Meaning, Measurement, and Implications for Psychotherapy Research // Psychotherapy and psychosomatics. 1996. Vol. 65. P. 14–23. DOI: 10.1159/000289026
- Schmidt M., Umans T. Experiences of well-being among female doctoral students in Sweden, International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being. 2014. Vol. 9(1). DOI: 10.3402/qhw.v9.23059
- Waterman A. S. Reconsidering happiness: a eudaimonist's perspective // The Journal of Positive Psychology. 2008. Vol. 3 (4). P. 234–252. DOI: 10.1080/17439760802303002
- WHOQOL: measuring quality of life. Geneva: World Health Organization, 1997. http://www.who.int/mental_health/media/en/68.pdf

References

- Beck U. Obschestvo riska. Na puti k drugomu modernu. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000.
- Benko E. V. Obzor zarubezhnykh publikatsiy, posvyashchennykh issledovaniyu blagopoluchiya, Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya, 2015, N8 (2), pp. 5–13.
- Bocharova E. E. Sub'yektivnoye blagopoluchiye lichnosti v svete teoreticheskoy psikhologii, Yevropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk, 2012. N1 (17), pp. 261–267.
- Borodkin F. M., Kudryavtsev A. S. Chelovecheskoye razvitiye i chelovecheskiye body, Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya, 2003, N1, pp. 138–182.

- Brülde B. Hedonism. In: Michalos A. C. (eds) *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Springer: Dordrecht, 2014. Pp. 2837–2842.
- Dahlberg K., Dahlberg H., Nyström M. *Reflective lifeworld research*. Lund: Studentlitteratur, 2011.
- Divisenko K. S. Fenomen voobrazhayemoy zhizni v biograficheskom povestvovanii. In O. B. Bozhkov (ed) *Sotsiologiya vchera, segodnya, zavtra. Novyye rakursy. III Sotsiologicheskiye chteniya pamyati Valeriya Borisovicha Golofasta*. Saint-Petersburg: Eydos, 2011. Pp. 197–211.
- Hemingway A. Lifeworld-led care: Is it relevant for well-being and the fifth wave of public health action? *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*, 2011, vol. 6 (4). DOI: 10.3402/qhw.v6i4.10364
- Isayeva A. N., Zaytseva U. E. Vremennaya perspektiva i smyslozhiznennyye oriyentatsii molodykh lyudey s razlichnymi strategiyami konstruirovaniya identichnosti, *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2015, N9 (9), pp. 31–41. DOI: 10.18411/lj2015–12–8
- Koz'mina L. B. *Dinamika psikhologicheskogo blagopoluchiya lichnosti studentov-psikhologov*. Dissertatsiya... kandidata psikhologicheskikh nauk. Irkutsk, 2014. 174 p.
- Kozlova L. A. Biograficheskoye issledovaniye rossiyskoy sotsiologii: predvaritel'nyye teoretiko-metodologicheskiye zamechaniya, *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2007, N2, pp. 59–87.
- Miller J. L. Biography. In Lisa M. Given (ed) *The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods*. Los Angeles: Sage Publications, 2008. Vol. 1. Pp. 61–63.
- Neyaskina U. U., Mazurkevich A. V. Vzaimosvyaz' sub'yektivnogo kachestva zhizni i vremennoy perspektivy lichnosti, *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnyye nauki*, 2014, N1 (23), pp. 94–105.
- OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-being. OECD Publishing, 2013. DOI: 10.1787/9789264191655-en
- Pavot W., Diener E. Review of the Satisfaction With Life Scale. In E. Diener (ed) *Assessing Well-Being: The Collected Works of Ed Diener*. Social Indicators Research Series 39. Springer, 2009. Pp. 101–117. DOI: 10.1007/978–90–481–2354–4
- Qualitative Studies in Quality of Life. Methodology and Practice. Tonon, G. (ed). Springer, 2015. 240 p.
- Rossiyskoye obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya. M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov (eds). Moscow: Ves' Mir, 2017. 424 p.
- Rozhdestvenskaya E. U. *Biograficheskij metod v sotsiologii*. Moscow, 2012.
- Ryan R. M., Deci E. L. On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being, *Annual Review of Psychology*, 2001, vol. 52 (1), pp. 141–166.
- Ryff C. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being, *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, N57, pp. 1069–1081.
- Ryff C., Singer B. Psychological Well-Being: Meaning, Measurement, and Implications for Psychotherapy Research, *Psychotherapy and psychosomatics*, 1996, vol. 65, pp. 14–23. DOI: 10.1159/000289026
- Sapogova E. E. Ekzistentsial'nyy opyt lichnosti: vozmozhnosti empiricheskogo analiza, *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*, 2017, N2 (87), pp. 143–154.
- Schmidt M., Umans T. Experiences of well-being among female doctoral students in Sweden, *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*, 2014, vol. 9 (1). DOI: 10.3402/qhw.v9.23059
- Shamionov R. M. Sub'yektivnoye blagopoluchiye lichnosti kak sub'yekta sotsial'nogo bytiya, *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2014, N14, vol. 14 (1), pp. 80–86.
- Tikhonova N. E. Udovletvorennost' rossiyan zhizn'yu: dinamika i factory, *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2015, N3, pp. 19–33.
- Vinogradova G. A., Artemenko A. G. Issledovaniye vzaimosvyazi udovletvorennosti zhizn'yu i vremennoy perspektivy rabotnikov predpriyatiya (na primere «AvtoVAZ»), *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*, 2017, N2 (29), pp. 79–85.
- Waterman A. S. Reconsidering happiness: a eudaimonist's perspective, *The Journal of Positive Psychology*, 2008, vol. 3(4), pp. 234–252. DOI: 10.1080/17439760802303002
- WHOQOL: measuring quality of life. Geneva: World Health Organization, 1997. http://www.who.int/mental_health/media/en/68.pdf
- Zaytseva U. E. Obraznyye skhemy reprezentatsii vremennoy perspektivy v strukture avtobiograficheskikh YA-narrativov. In U. I. Aleksandrov, K. V. Anokhin (eds) *Sed'maya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoy nauke: Tezisy dokladov*. Moscow: Izdatel'stvo "Institut psikhologii RAN", 2016. Pp. 275–276.